

УДК 87.3 + 87.212

Received 18 September 2017

Received in revised form 27 October 2017

Accepted 21 November 2017

Шевцов С.В.

Днепропетровский национальный университет
имени Олеся Гончара

ЧЕЛОВЕК У ПЛАТОНА И СОФОКЛА: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Раскрываются конститутивные аспекты двух путей познания: аполонийский, которому присуще синтетическое видение мира, выраженное в платоновском мифе о пещере и дионисийский, которому присуще трагическое самопознание и ощущение мира, выраженное Софоклом в его едипологии. Для осуществления сравнительного анализа автор определяет те ключевые формальные и содержательные аспекты, в отношении которых можно сравнивать человека пещеры Платона и Эдипа Софокла. Показано, что первым таким концептуальным признаком является понимание человека как существа, бытие которого является принципиально неполным. Осознанно, что вторым таким признаком является состояние полного невежества для которого характерны определенные психологические и экзистенциальные переживания: пребывание на дне пещеры у Платона и пребывания Эдипа у Софокла в Коринфе. Выяснено, что третьим признаком сравнения является переходное состояние, которому присущи такие переживания как боль, страдания, гнев, страх и тому подобное. Человек пещеры осознает, что вещи, которые он видит сейчас, отличаются от того, какими он их видел раньше. У Эдипа это погружение в сомнение на пиру, путешествие в город Дельфы, бегство в город Фивы, схватка со сфинксом. Показано, что четвертым признаком сравнения является характер постижения истины: человек пещеры осуществляет линейное постепенное восхождение от эмпирического знания к рациональному, а от последнего к умозрительному, тогда как Эдип движется дискретно от тайного знания к знанию-власти, а от последнего к знанию самого себя. Наконец, осознанно, что пятым признаком сравнения являются обстоятельства после постижения истины: если человек пещеры возвращается снова к тем, кто находится в пещере и там встречает свою судьбу в виде насильственной смерти, то Эдип навсегда покидает Фивы, загадочно исчезает из плана бытия и становится духовным покровителем Афин.

Ключевые слова: аполонийский человек, дионисийский человек, миф о пещере, миф об Эдипе, познание, истина.

Шевцов С.В., Людина у Платона та Софокла: досвід компаративного аналізу

Розкриваються конститутивні аспекти двох шляхів пізнання: аполонійського, якому притаманне синтетичне бачення світу, що виражено у платонівському міфі про печеру та діонісійського, якому притаманне трагічне самопізнання та відчуття світу, що виражено Софоклом у його едипології. Для здійснення компаративного аналізу автор визначає ті ключові формальні та змістовні аспекти, відносно яких можна порівнювати людину печери Платона та Едіпа Софокла. Показано, що першою такою концептуальною ознакою є розуміння людини як істоти, буття якої є принципово неповним. Усвідомлено що другою такою ознакою є стан повного невігластва для якого притаманні певні психологічні та екзистенціальні переживання: перебування на дні печери у Платона та перебування Едіпа у Софокла в Коринфі. З'ясовано, що третьою ознакою порівняння є перехідний стан, якому притаманні такі переживання як біль, страждання, гнів, страх тощо. Людина печери усвідомлює, що речі, які він бачить зараз, відрізняються від того, якими він їх бачив раніше. У Едіпа це занурення в сумнів на бенкеті, подорож до міста Дельфи, втеча до міста Фіви, схватка зі сфінкс. Показано, що четвертою ознакою порівняння

є характер осягнення істини: людина печери здійснює лінійне поступове сходження від емпіричного знання до раціонального, а від останнього до умоглядного, тоді як Едіп рухається дискретно від таємного знання до знання-влади, а від останнього до знання самого себе. Нарешті, усвідомлено, що п'ятою ознакою порівняння є обставини після осягнення істини: якщо людина печери повертається знову до тих, хто знаходиться у печері і там зустрічає свою долю у вигляді насильницької смерті, то Едіп назавжди покидає Фіви, загадково зникає з плану буття і стає духовним покровителем Афін.

Ключові слова: аполонійська людина, діонісійська людина, міф про печеру, міф про Едіпа, пізнання, істина.

Shevtsov S.V., A man by Plato and Sophocles: the experience of comparative analysis

Constitutive aspects of two ways of cognition are clarified: Apollonian way with its synthetic view of the world, that expressed in Plato's myth of cave and Dionysian way with its tragic self-cognition and attitude to the world, that expressed in Sophocles' Oedipusology. For implementation of comparative analysis the author defines the key formal and informative aspects, regarding which we can compare man of cave by Plato and Oedipus by Sophocles. Showed, that the first conceptual sign is understanding of fundamental incompleteness of human existence. Grasped that the second sign is a condition of total ignorance with some psychological and existential trials: being on the bottom of the cave by Plato and being of Oedipus in Corinth by Sophocles. Clarified that the third sign of comparative analysis is transforming conditions with pain, torture, anger, fear etc. A cave man realizes that subjects in new view are different from previous view. Oedipus has in this case some doubts, he goes to Delphi, then he runs to Thebes and comes to grip with Sphinx. Showed, that the fourth sign of comparative analysis is a character of opening of wisdom: a cave man carries linear sequential climbing from empirical knowledge to rational knowledge, from rational knowledge to speculative knowledge, and Oedipus carries by discrete way from esoteric knowledge to knowledge-power, from knowledge-power to knowledge-of-himself. Grasped that the fifth sign of comparative analysis is a condition after cognition of wisdom: a cave man comes back to the cave, tries to save other people and meets his destiny as violent death, in opposite of this Oedipus leaves Thebes forever, disappears mystically and comes spiritual patron of Athens.

Keywords: Apollonian man, Dionysian man, myth about cave, myth about Oedipus, cognition, wisdom.

Парадигматичність міфів о печере и Эдипе для европейской культуры не вызывает сомнений, поскольку представляют собой величайшие прозрения античного гения в суть бытия человека. Недаром они становятся предметом многочисленных исследований, о чем говорят работы В. Виндельбанда, М. Хайдеггера, В. Эрна, А. Лосева, Ф. Зеленского и др. Видится важным показать сущностную корреляцию между этими двумя мифами, сравнительный анализ которых выводит на понимание двух путей европейской культуры: пути синтетического миропознания и совестливого самопознания, которые уже в самом начале существования европейской культуры оказались разобщёнными. В видении человека Платоном и Софоклом сталки-

ваются две комплементарные точки зрения на процесс эротического восхождения души. Более того, здесь сталкиваются два миропорядка: аполлонизм и дионисизм, пронизывающие и обуславливающие драматизм истории эллинской культуры.

Человек, в отличие от других существ, в своём бытии принципиально неполон, и для обретения целостности необходимо усилие – в этом Платон и Софокл едины. Усилие это обладает эротической природой, что Аристотелем философски обосновано в диалогах «Пир» и «Федр», а реформатором греческой трагедии поэтически – в третьем стасиме «Антигоны» (ст.781-805). Благодаря анализу софокловской эдипологии и платоновского мифа о печере можно выделить базовые

структуры, определяющие человека в эротическом восхождении, где можно выделить формальную и содержательную стороны.

Формально это состояния полного неведения, переходного как восхождения к истине, непосредственного постижения истины, а также после постижения истины. Содержательно – совокупность психологических и экзистенциальных состояний, показывающих контрапунктность и комплементарность взглядов Софокла и Платона на человека и истину. У Софокла: пребывание в Коринфе, случай на пиру и посещение Дельф, убийство Лаия и схватка со Сфинкс, воцарение в Фивах, открытие свершившегося пророчества, обретение приюта и упокоение в Колоне. У Платона: пребывание в узах на дне пещеры, высвобождение от уз, восхождение наверх пещеры, пребывание вне пещеры на открытом пространстве, созерцание Солнца-истины, возврат в пещеру. Проанализируем эти структуры более детально.

Полному неведению соответствует пребывание на дне пещеры у Платона, и Эдипа первые двадцать лет в Коринфе у Софокла. Пещера и Коринф, при всём различии этих образов, с точки зрения состояния, в которых пребывают герои, внутренне едины. Узник на дне пещеры почитает за истину пока только тени вещей, но не сами вещи как они есть. Коринф для Эдипа, по сути, – то же дно пещеры. Что с того, что он считает себя сыном Полиба и Мeroпы, если это только тень истинного положения дел, и не просто глубочайшее заблуждение, но именно, полное неведение. Характеристика собственного пребывания в Коринфе, данная Иокасте во фразе (ст.775) «вельможей первым слыл я», только усиливает трагическую иронию ситуации, и ещё больше сближает его с узником пещеры. Эдип – первый среди знатных коринфян, и это значит, что в награду за победы в гимнастических и мусических состязаниях, он получает почитание, благоговение и пр., и всё это многократно усиливается его видимой принадлежностью к царскому роду, правом наследования престола в Коринфе. Да, разве не будет человек от осознания присутствия

в своём бытии таких фактов доволен собой? Безусловно, и всё вышеназванное – неотъемлемая часть жизни социального животного. Однако и пребывающему на дне пещеры в той же мере присуще самодовольство. Там, в этом пещерном, не только по факту жизни, но и по смыслу, коллективе тоже воздают друг другу почести, хвалу, «награждая того, кто отличается наиболее острым зрением при наблюдении текущих мимо предметов и лучше других запоминал, что обычно появляется сперва, что после, а что и одновременно, и на этом основании предсказывал грядущее» [4, с.297]. Если самодовольство и дух соревнования в усматривании теней вещей – психологические характеристики, то невежество (*ἀγνοία*) – экзистенциал, фундирующий понимание истины в данном состоянии. Присутствие в бытии узника пещеры и Эдипа общих черт позволяет сделать вывод, что им обоим присуще одинаковое понимание истины, характеристика которой дана у Платона (515c1-2): *ἀληθές* – непотаённое как принятие за истину теней вещей.

Если в первом состоянии в бытии узника и Эдипа наблюдается сущностное тождество, то, начиная со второго – переходного, приуготовляющего к непосредственному постижению истины, наряду со сходством, присутствуют фундаментальные различия, высвечивающие преобладание аполлонийской составляющей истины у Платона, и дионисийской у Софокла. У Платона переходному состоянию соответствует освобождение от уз, трудное восхождение и пребывание на выходе из пещеры. У Софокла: случай на пиру, пророчество в Дельфах, убийство Лаия, схватка со Сфинкс, царствование в Фивах, завершающее неожиданной эпидемией моровой язвы. Оба мыслителя характеризуют это состояние в психологических понятиях удивления, боли, страдания, досады, скорби, гнева, страха. Пещерный человек испытывает удивление, обнаружив, что вещи, которые он может видеть сейчас, отличаются от того, что он видел раньше. Наряду с удивлением, он испытывает боль и страдание от непривычки к новому положению тела и видению мира, а также гнев,

досаду на того, кто его вытаскивает из пещеры наверх, что обусловлено страхом потери привычного и устоявшегося за прошлые годы своей жизни уклада. Эдип также испытывает удивление, услышав на пиру слова о том, что он – ненастоящий сын Полиба. Удивление порождает в нём сомнение и гнев, понуждающие его пойти в Дельфы, где он узнаёт страшное пророчество о своей судьбе. Этот страх толкает Эдипа прочь, дальше от Коринфа в Фокиду, где на злосчастном перекрёстке происходит досадный случай: он встречает путника и убивает его. Страх перед роком выводит Эдипа и на схватку со Сфинкс, смерть от которой была бы для него лучшим исходом, нежели исполнение пророчества. Победа над вещуньей даёт Эдипу власть над Фивами, и, тем самым, при всём различии конститутивных признаков, в этом контексте виды знания, которыми он овладевает – тайное знание (τέχνη) и знание-власть (δόξα) – при всей их принадлежности различным порядкам бытия (хтонизму и героизму), соприкасаются через проникновение в запретное путём победы над вещуньей, и инцестуальную связь с Иокастой, выступающей, согласно С.Аверинцеву, символической заместительницей Фив. Отличие между пещерным человеком и Эдипом – в специфике открывшегося им знания.

Пещерный человек видит, что новое видение бытия отличается от предыдущего и он концентрируется на вещах, его окружающих. Эдип же видит себя иным – ненастоящим сыном царя Коринфа. Его интересует не окружающий мир и принадлежащие ему вещи, но он сам: действительно ли Полиб и Мeroпа – не его родители? Но тогда, чей он сын? Кто он? Приоткрывшееся Эдипу оказывается половиной беды: он прозревает в то, что ему суждено стать убийцей своего отца и мужем матери. Озабоченность не изменившимся видением окружающего бытия, но себя в нём – первое фундаментальное отличие Эдипа от пещерного человека.

Второе отличие – способ открытия истины. Пещерный человек открывает её путём постепенного, последовательного, линейного восхождения наверх, где он сначала видит

вещи, освещённые огнём пещеры, затем, выйдя на поверхность, понимает, что и огонь этот – подобие истинного света, к созерцанию которого ещё нужно будет привыкнуть. В противоположность этому, у Софокла истина открывается дискретно. Изначально она показывается Эдипу вся: отцеубийца, кровосмеситель, духовный покровитель Афин. Однако обнаружение всей истины не означает пребывания в её полноте. Первоначальное открытие истины только запускает в действие механизм проклятия. При этом, такая составляющая как «проклятие» в опыте восхождения пещерного человека вообще отсутствует. Сообщённая Эдипу истина, прежде чем он предстанет перед ней в её полноте, должна быть исполнена, и в этом исполнении в отличие от постепенности и линейности восхождения человека пещеры, Эдип постигает истину дискретно. Первые двадцать лет он жил в полном неведении, затем во время пира он узнаёт истину своего бытия, бежит, убивая путника на перекрёстке дорог, побеждает Сфинкс и становится царём Фив и мужем старшей его раза в два женщины. Победа над вещуньей и воцарение в Фивах знаменуют для него победу над самим роком. Однако на самом деле, овладение тайным знанием и знанием-властью только закрывают от него лик истины. Через двадцать лет, в возрасте сорока лет, означавший для греков ἄκμῃ, под воздействием событий, связанных с моровой язвой, ему полностью открывается истинный смысл происшедшего с ним: случайная стычка с путником – царе- и отцеубийством, брак с Иокастой как следствие победы над Сфинкс и принятие фиванского престола – инцестуальной связью. Наконец, ещё через двадцать лет, будучи дряхлым стариком, исполняется последняя часть пророчества, сделавшая его духовным покровителем Афин.

Третье отличие – характер открытия истины. Пещерный человек восходит от субъективного мнения (δόξα) к рассудку (διάνοια), а от него – к разуму (νόος), что показано Платоном в конце шестой книги «Государства», непосредственно подводящем и предваряющем проблематику мифа о пещере. Объективно же он совершает эротическое восхождение от

чувственно данного, эмпирического к умопостигаемому, рациональному, спекулятивному: «от одного прекрасного тела к двум, от двух – ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь, наконец, что это – прекрасное» [3, с.121-122].

К субъективному опыту эротического восхождения Эдипа хотя и применимы термины мнение (*δόξα*), рассудок (*διάνοια*), разум (*νόος*), но даны они не в узкогносеологическом смысле. Иными словами, в отличие от Платона, Софокл не занимается мифологической иллюстрацией гносеологических идей, а миф о пещере можно проинтерпретировать и так, но даёт целостный опыт вхождения и пребывания человека пред ужасающим ликом истины, сущностно принадлежащей самому мифу, где те же мнение (*δόξα*), рассудок (*διάνοια*), разум (*νόος*) выполняют служебную роль осознания свершения, вхождения и пребывания в полноте истины. Объективно же Эдип идёт от неведения (*ἄγνοια*) к тайному знанию (*τέχνη*), побеждая Сфинкс, представительницу хтонической мифологии, от него к знанию-власти (*δόξα*), принадлежащей героической мифологии, где Иокаста – символическая заместительница Фив, а от него к собственно трагическому самопознанию (*ἐπιστήμη*) – достойно дионисийской мифологии, и по отношению к которому тайное знание и знание-власть, с одной стороны, уводят от истины своим ложным блеском, с другой – служат её исполнению, что соответствует самой природе истины как непотаённому, стоящему всегда на грани с потаённым.

Четвёртое различие – обстоятельства откровения истины. Пещерного человека освобождают, здесь сталкиваются две воли: освободителя и освобождаемого. Отсюда, скорбь, досада на освободителя, тоска, оставленность на поверхности пещеры перед самостоятельным приучением себя к созерцанию истины. Эдип же от начала до конца совершает свой путь в одиночестве, самостоятельно. Здесь нет и не может быть определённого, созна-

тельно берущего на себя эту роль, ведущего, обеспокоенного судьбой своего подопечного и желающего открыть ему свет истины. Конечно, коринфянин, сказавший, что Эдип – ненастоящий сын Полиба, сделал фактически то же, что и освободитель с узником в пещере – пробудил его догматической спячки. Но он не собирался Эдипа никуда выводить, да и сами его слова продиктованы были элементарной завистью. Аполлон вещает Эдипу истину, но никуда его не ведёт, поскольку решение наиболее существенных, экзистенциальных вопросов, по свидетельству Плутарха, оставляет самому человеку. Тиресий свидетельствует о свершившемся пророчестве, напоминает Эдипу истину его бытия и также никуда не ведёт. Понимание истины здесь более сложное, чем предыдущее.

В состоянии полного невежества истина исчерпывалась понятием *ἀληθές* – непотаённое как принятие за истину теней вещей. Здесь же, в начале восхождения истина именуется Платоном (515d6) *ἀληθέστερα* – более непотаённое. Но что такое это более непотаённое? Платон сам говорит, что, будучи раскованным, человек получает возможность видеть не тени вещей, но сами вещи, освещаемые огнём пещеры, который, в свою очередь, также оказывается не истинен по отношению к свету, идущему от Солнца. Эдипу покоряется хтоническое видение человека с точки зрения его внешности, данное в виде загадки Сфинкс: кто утром ходит на четырёх ногах, днём – на двух, вечером – на трёх? То есть, Эдип видит человека не с точки зрения истины его бытия, а внешних обстоятельств жизни. Поэтому полагаю, что понимание истины Платоном и Софоклом в сути своей здесь совпадают.

На выходе из пещеры истина характеризуется Платоном (516a3) о *τῶν νῦν λεγομένων ἀληθῶν* – то, что теперь именуется непотаённым, и пещерный человек выходит на тот плацдарм, откуда начинается освоение им умозрения. Он уже постиг относительный характер доксического знания – мнения, недостаточность одной только рассудочности, и теперь готов к раскрытию созерцательности

своего разума, где открывается сама красота. Эдип, одолев тайное знание (τέχνη), постигает в течение двадцати лет знание-власть (δόξα), вершина которой – спесь (ὑβρις) – покоряется ему во время диалога с Креонтом (ст.532-630), предваряющим полное вхождение Эдипа в истину. Двойственность знания-власти в том, что, с одной стороны, обретаемое здесь знание обладает доксическим характером, оно относительно и коренится во мнении – δόξα, с другой, – власть как таковая, наряду с δόξα, укоренена и в ἀρχή, при этом, обе взывают к свету и мудрости разума (νόος), позволяющего понять через власть саму душу человека, о чём в «Антигоне» говорит Креонт (ст.175-177). Поэтому и здесь понимание истины Платоном и Софоклом мне видится близким. Однако наибольшее различие в понимании человека и истины проявляется в третьем и четвёртом состояниях.

Третье состояние – непосредственное постижение истины. Платон говорит, что человек постепенно привыкает созерцать само Солнце, начиная с самого лёгкого: отражения, теней, ночного неба, и затем только обращая взор на светило. Это непосредственное видение Солнца-истины есть абсолютное прозрение в самый источник света, где созерцающий испытывает радость от созерцания блага, дифирамбический восторг, блаженство. О, какая же бездна разверзается здесь между ним и Эдипом. Царь Фив тоже полностью прозревает истину своего бытия, вдвигается в неё, понимая, что всё, от чего он бежал, с чем так нещадно боролся, исполнилось. В противовес радости и блаженству – невыносимая боль, безмерность вины и раскаяния, а постепенно привыканию к созерцанию Солнца – решительность и необратимость самоослепления.

Можно привыкнуть к сиянию истины, но зияние истины невыносимо, и оно во сто крат невыносимее, поскольку это зияние истины собственного бытия, а не сияние какой-нибудь отвлечённой гносеологической истины. Истина здесь предстаёт в своей высшей точке (484c5) – τὰ ἀληθέστατα – непотаённое, в которой Платон увидел строгое величественное сияние красоты, а Софокл – безмерное

зияние ужаса. Трагедия истины в том и заключается, что наряду с сиянием, она может показать и свой зияющий лик, и вот это сияние и зияние истины есть её аполлонийская и дионисийская составляющие, образующие органическое единство, и чей разрыв равносильно их обоюдному уничтожению.

Аполлонийские и дионисийские аспекты познания истины равно присутствуют и в опыте пещерного человека, и Эдипа. При этом, первый испытывает состояния ужаса, боли, отчаяния как переходные, а радости и блаженства как основные: видимое самодовольство скованного состояния сменилось болью, страданием, скорбью переходного с тем, чтобы обрести истинную радость, восторг и блаженство. Второй, наоборот, состояния безмятежности, счастья, блаженства как переходные, а ужаса, боли, скорби как базовые: безмятежность коринфской жизни сменилась у Эдипа на боль и страх открывшейся истины, страх, понимаемый экзистенциально, привёл его к схватке со Сфинкс, и победа подарила ему славу, власть и другие почести и блага, но победа обернулась поражением, слава – позором, авторитет правителя – бесчестьем изгнанника. Вот почему, как писал Ф.Ницше, если для дионисийского человека умереть – самое лучшее, а вовсе не рождаться – второе по достоинству, то для аполлонийского умереть – самое худшее, а никогда не рождаться – второе по бесчестью.

Но главный водораздел пролегает в четвёртом состоянии – после постижения истины. На общность Платона и Софокла указывает тот факт, что ни пещерный человек, ни Эдип уже не могут вернуться к прежней жизни. Человек, вернувшийся в пещеру, присутствует уже вне тех правил, по которым живёт пещерное общество, и он готов на всё, лишь бы «не разделять представлений узников и не жить так, как они» [4, с.297]. Эдип же не просто отказывается, но всем опытом своего бытия преодолевает прежние условия существования, и возврат к странничеству – тому показатель. Более того, будучи в Колоне, когда к нему приходят сначала Креонт, а затем Полиник, пытаясь вернуть его, он не только

отвечает решительным отказом, но проклинает их, отсекая себя навсегда от своего оставленного прошлого – от знания-власти и своего рода. Если бывший пещерный человек, а ныне освобождённый, обуруаемый человеколюбием и состраданием, пытается спасти других узников, помочь им в обретении истинного знания, то Эдип не просто понимает всю тщетность этого. Вопрос гораздо глубже: в опыте трагического самопознания не поможет никто, кроме самого человека, здесь не на кого опереться, и восхождение необходимо совершать самостоятельно, здесь нет, и не может быть никакого провожатого, который помог бы подвести человека к открытию истины, так как это делает мудрец в пещере.

Если подытожить вышеизложенное, то *ποιήσις* и *παιδεία* парадигматически раскрывают два образа человека. *Παιδεία* – человека познающего (*ἄνθρωπος ἐπιστημονικός*), динамика образа которого и запечатлена Платоном в мифе о пещере. *Ποίησις* – человека, бытие которого внушает священный ужас (*ἄνθρωπος δεινός*), каковым и предстаёт нам Эдип Софокла. Оба видения человека взаимно дополняют друг друга: познание бытия оборачивается пониманием скорби существования, и, наоборот, через страдание, скорбь человек учится постигать нечто важное, глубинное в себе. *Παιδεία* и *ποιήσις* определяют собой два

пути развития европейской культуры. *Παιδεία* – путь синтетического знания, где человек раскрывается на пересечении научного, философского, религиозного, эстетического, нравственного знания. *Ποίησις* – путь самопознания как совестливого высветления человеком основ собственного бытия. Разделение этих двух путей, *ποιήσις* и *παιδεία*, привело к их обоюдному вырождению, что фактически и случилось в 5 в. до н.э. Платон, как известно, изгнал трагедию из идеального государства вследствие неразрешимого конфликта между жизнью и философствованием, результатом чего стало, как показал В.Соловьёв, духовное самоубийство. Также и греческая трагедия, по мысли Ф.Ницше, вследствие неразрешимого конфликта между мифическим, аполлонийско-дионисийским переживанием бытия и новым нарождающимся миропорядком, во главе которого отвлечённость и рассудочность научного знания, покончила самоубийством, что породило пустоту и оставленность жизни чем-то великим. Разделённые *ποιήσις* и *παιδεία* были обескровлены, обездушены, обречены на забвение и смерть. Трагедия выродилась в эстетический феномен, нашедший приют на театральных подмостках. Образование же стало отождествляться исключительно с научным образованием, с получением знаний, навыков, умений, что предало забвению саму его сердцевину – образ человека.

Бібліографічні посилання

1. Аверинцев С.С. К истолкованию символики мифа о Эдипе. *Античность и современность (к 80-летию Ф.А.Петровского)*. М.: Наука, 1972. С.90-102.
2. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. *Сочинения в 2-х т.* М., 1996. Т.1. С.47-157.
3. Платон. *Собрание сочинений в 4 т.* Т.2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
4. Платон. *Собрание сочинений в 4 т.* Т.3. М.: Мысль, 1994. 624 с.
5. Соловьёв В.С. Жизненная драма Платона. *Сочинения в 2 т.* Т.2. М.: Мысль, 1990. С.582-625
6. Софокл. *Драмы. В переводе Ф.Ф.Зелинского*. М.: Наука, 1990. 605с.

References

1. Averintsev S.S. K istolkovaniyu simboliki mifa o Edipe (To the Interpretation of Symbolism of Myth about Oedipus). *Antiquity and contemporary (To 80-Anniversary of Ph.A. Petrovsky)*. М. : Nauka, 1972. Pp.90-102.
2. Nietzsche F. Rozhdenie tragedii iz duha muzyki (Origins of Tragedy from Spirit of Music). *Works in 2 Volumes*. М. : Nauka, 1996. – Vol.1. – С.47-157.
3. Plato. *Collected Works in 4 Volumes*. М. : Mysl', 1993. Vol.2. 528 s.
4. Plato. *Collected Works in 4 Volumes*. М. : Mysl', 1994. 624 s.
5. Solov'ev V.S. Zhiznennaya drama Platona (Plato's Drama of Life). *Works in 2 volumes*. М. : Mysl', 1990. S. 582-625
6. Sophocles. *Dramy (Dramas)*. М.: Nauka, 1990. – 605 s.